

На правах рукописи

Гао Лия

**Концептуальные модели социальной действительности
в периодических изданиях эпохи русских революций**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва — 2026

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Научный руководитель:

Валентинова Ольга Ивановна,

доктор филологических наук (10.02.01), профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**Официальные
оппоненты:**

Бахтикиреева Улданай Максutowна,

доктор филологических наук (10.02.01), профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Хромов Сергей Сергеевич,

доктор филологических наук (10.02.20), профессор, профессор кафедры русского языка и истории литературы ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»

Крашевская Наталия Валентиновна,

кандидат филологических наук (10.02.01), доцент, доцент кафедры лингвистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии»

Защита состоится «26» июня 2026 г. в 10.30 на заседании диссертационного совета ПДС 0500.006 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 2 «А», ауд. 535.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru>; <https://www.rudn.ru/science/dissovet/dissertacionnye-sovety/pds-0500006>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета ПДС 0500.006,
кандидат филологических наук, доцент

С.С. Микова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование посвящено реконструкции моделей социальной действительности России начала XX века в том виде, как она была представлена в периодических изданиях политических соперников в период исторической неопределенности, когда исход русской революции 1917 года не был очевиден. Речь идет о временном отрезке с начала 1917 года до 1920. В этот период монополия на печать *de facto* еще не победила, хотя партия большевиков почти сразу после захвата власти издает “Декрет о печати” (27 октября 1917 года по старому стилю) и “Декрет введения государственной монополии на объявления” (25 ноября по 1917 года по старому стилю), которые были нацелены на борьбу с небольшевистской печатью.

Актуальность исследования обуславливается несколькими факторами. С научной точки зрения объяснительный потенциал развиваемого в работе метода моделирования в лингвистике и филологии представляется глубоко недооцененным и требует доказательства перспективных возможностей его применения. Моделирование предполагает необходимость опоры на общую теорию систем, а также на дальнейшую разработку научных представлений о взаимосвязи языкового и мыслительного содержания, на установление корреляций между языковыми узуальными значениями и речевыми актуальными смыслами тех или иных текстовых единиц, что является одним из основных объектов рассмотрения в современной когнитивной науке и предметом особого интереса дискурс-анализа текстов различной стилистической направленности.

В этом аспекте особенно важно отметить тот факт, что методологически обоснованные исследования на современном этапе развития наиболее востребованы в сфере политической и социолингвистики. Более того, динамично развивающаяся политическая ситуация в мире в целом и в отдельных его регионах, кризис диалога, приводящий к катастрофическим

последствиям, конфликты, вызванные низкой культурой понимания, сообщают дополнительную актуальность работе, выходящей за пределы лингвистики и филологии в область социологии, политологии и истории.

Объектом исследования выступают тексты наиболее значимых периодических изданий трех политических партий — субъектов революции: партии большевиков, партии эсеров и партии кадетов.

Предметом исследования послужили концептуальные модели социальной действительности указанного периода истории России в текстах отобранных для анализа периодических изданий.

Материал исследования составили номера следующих периодических изданий: «Красной газеты» — органа печати партии большевиков; газеты «Земля и воля» — органа печати партии эсеров; «Русских ведомостей» — органа печати партии кадетов. Принципом отбора номеров послужила хронологическая, тематическая и событийная соотносимость материала. Общее количество номеров, послуживших источником подбора текстов, составляет 44 выпуска; общее количество проанализированных текстов — около 100. Выборка примеров для рассмотрения была произведена из 62 текстов.

Гипотеза исследования состоит в том, что в осознанно направленных на деформацию действительности в восприятии массового читателя текстах, к которым относятся политически ангажированные публикации в период обостренной борьбы за власть, произвольно отражаются подлинные намерения авторов.

Цель исследования — реконструкция сравнительной модели социальной действительности в периодической печати политических противников эпохи русских революций 1917 года.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- уточнить сущность метода моделирования, соотношение модели и оригинала, соотношение модели и отражения;

- определить базовые конструкты, задействованные в моделировании социальной действительности в политической периодической печати эпохи русских революций;
- установить содержательную структуру знаков, обозначающих эти конструкты в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов;
- определить области симметрической тождественности и симметрической разности содержания рассматриваемых номинаций в органах печати различных политических сил;
- на основании установленных сходств и различий построить сравнительную модель социальной действительности, реализованную в печати трех политических сил.

Новизна исследования связана с тем, что идея концептуального моделирования была использована в новой для него области применения.

Ранее концептуальное моделирование применялось в работах Г.П. Мельникова для создания объяснительных моделей морфологических типов языков. В его монографии и в курсе лекций для студентов особенно детально была разработана объяснительная модель агглютинативных и флективных языков [Мельников 2003: 187]. Многие аспекты объяснительной модели флективных языков были исследованы в диссертациях аспирантов Г.П. Мельникова [Дремов 2010, Лутин 2000, Крашевская 2003 и др]. Моделирование номинативных языков было предпринято Е.Ф. Кировым [Киров 2024].

В исследовании текстов метод моделирования использовался ранее О.И. Валентиновой при реконструкции динамической модели русского литературного языка XI–XXI веков и моделей типологически особенных художественных текстов [Валентинова 2005, 2016]. В исследованиях аспирантов О.И. Валентиновой были реконструированы концептуальные модели предвыборных компаний [Тузова 2016], защитительных текстов эпохи судебных реформ Александра II [Козловская 2019], семантическая модель православной литургийной проповеди [Медведев 2017], модель

образа автора в сочинении В.О. Ключевского "История России" [Ван Лэлэ 2022]. Культурные модели эпохи реконструировал Ю.М. Лотман [Лотман 1992]. А.В. Загуменнов разработал герменевтическую модель богословских трудов вдохновителей церковного раскола XVII века [Загуменнов 2018, 2022].

В то же время, хотя периодическая печать интересующего нас периода привлекала внимание историков журналистики [Махонина 2005, Молчанов 2002], исследователей публицистического стиля и его истории [Костомаров 1971, Солганик 2003], историков языка [Селищев 2003], исследователей языка власти и языка оппозиции, индивидуального стиля политических лидеров [2003, 2020 и др.], сама идея сравнительного моделирования социальной действительности, формируемой в периодике политических соперников/противников/врагов в период исторической неопределенности, высказывается и реализуется **впервые**.

Таким образом, **новизна** исследования определяется тем, что *впервые* в филологической науке были выявлены концептуальные модели социальной действительности в исторически маркированных текстах на основе общенаучной системной методологии с учетом онтологической сущности публицистического стиля, а также был разработан алгоритм реконструкции субмоделей и итоговой сравнительной модели. В работе *впервые* показано, что концептуальные модели социальной действительности являются одновременно структурными моделями. В исследовании определено, что в период политических и социальных потрясений константными конструктами конкурирующих моделей социальной действительности выступают *власть, народ и враг*, прояснение особенностей содержательного соотношения между которыми позволяет эксплицировать сущностные (концептуальные) свойства каждой модели, выявить несоответствие видимости и сущности, обнажающее подлинные намерения той или иной политической силы. Идея сравнения, реализованная в исследовании на разных уровнях, дала возможность обнаружить концептуально значимые свободные валентности в

отдельных моделях социальной действительности и на основании занятых и свободных валентностей *впервые* предложить универсальную модель социальной действительности периода исторической неопределенности, изменение соотношения занятых и свободных валентностей которой будет характеризовать ее отдельную реализацию, уже осуществленную и потенциальную.

В диссертации использовались **методы** лингвистического моделирования, сравнения, математический метод теории множеств, контекстуально-семантический и оппозитивный анализ.

Применение метода моделирования стало возможным после установления иерархического соотношения разного рода методов и использования тех из них, которые в данном контексте можно считать вспомогательными: это метод контекстуально-семантического анализа для установления контекстуальных значений; оппозитивный метод, позволяющий определить текстовые оппозиции; математический метод теории множеств, выявляющий зоны симметрической тождественности и симметрической разности содержания исследуемых социальных сущностей; метод сопоставления, с помощью которого можно обнаружить семантические оппозиции между омонимичными знаками, обозначающими социальные данности в разных политических изданиях. После реконструкции моделей социальной действительности, формируемых в периодической печати большевиков, эсеров и кадетов, становится возможным построение их сравнительной модели. Таким образом, методы моделирования и сравнения использовались на разных уровнях исследования.

Методологической основой исследования послужило философское положение о диалектической связи языка и сознания: язык отражает сознание и одновременно участвует в его формировании [Философский энциклопедический словарь 1983: 624].

Теоретическая значимость исследования состоит в раскрытии объяснительного потенциала метода моделирования в филологической науке,

разработке принципов выведения концептуальной модели социальной действительности в исторические периоды предельной политической неопределенности на основе установленных в работе базовых конструктов модели и алгоритма определения их содержательной структуры, создании универсальной модели социальной действительности, позволяющей оперативно установить вариант ее реализации в политической печати.

Теоретической базой исследования послужили следующие работы:

- труды по теории моделирования и практики использования этого метода в лингвистике и филологии [Валентинова 2005, 2016; Загуменнов 2022, Киров 2024, Лотман 2010, Мельников 2003 и др.];
- работы по выявлению особенностей публицистического стиля [Костомаров 1971, 1994; 2005 Купина 2017, 2021; Чудинов 2020 и др.];
- исследования, проясняющие онтологическую сущность публицистики [Бахтин 1996, Валентинова 2016 и др.];
- исследования изменения русского языка в период русских революций [Селищев 2003 и др.].

Практическая ценность работы заключается в возможности использования ее результатов в лекционных курсах по истории русского литературного языка, филологической герменевтике, социальной лингвистике, методологии филологических исследований.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) метод моделирования позволяет вывести на первый план сущностные свойства изучаемого объекта за счет редукции его второстепенных свойств;
- 2) основные конструкты, задействованные в создании модели социальной действительности в период предельной политической неопределенности, обозначаются номинациями *народ*, *власть*, *враг*; под конструктом *власть* понимаются представители власти как функционально значимая часть общества;
- 3) концептуальная модель социальной действительности одновременно

- является ее структурной моделью;
- 4) содержательная структура конструктов *народ, власть, враг* реконструируется на основе анализа:
 - атрибутов номинаций, обозначающих конструкты;
 - контекстуальных синонимов и антонимов этих номинаций;
 - синтаксической функции номинаций, выступающих в роли агенса или пациенса;
 - семантики глаголов-сказуемых, связанных с той или иной номинацией отношениями координации или управления;
 - 5) общие для социальных моделей трех политических сил конструкты, обозначаемые одинаковыми номинациями, обнаруживают существенные денотативные, смысловые и оценочные различия, оказывающиеся сущностными;
 - 6) реконструкция концептуальных моделей социальной действительности, представленной в политической прессе, позволяет вскрыть несоответствие видимости и сущности;
 - 7) обнаруженные занятые и свободные валентности выведенных частных моделей дают возможность создать универсальную модель социальной действительности, реализуемую в политической прессе в период неустойчивого равновесия противоборствующих сил.

Достоверность полученных результатов определяется соответствием методов исследования сущности изучаемого объекта, обоснованным принципом отбора материала и его объемом, качеством проведенного анализа.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Теоретические положения и результаты работы соответствуют паспорту научной специальности 5.9.5 «Русский язык. Языки народов России».

Основное содержание работы

Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка литературы.

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, его объект, предмет, материал и принцип отбора материала, определяются цель и задачи работы, новизна и методы исследования, формулируются гипотеза и методологическая основа, излагаются выдвигаемые на защиту положения, раскрывается теоретическая значимость и практическая ценность диссертации.

В **первой главе «Объяснительные возможности метода моделирования в исследовании публицистических текстов»** для обеспечения необходимого подобия модели и оригинала дается исторически детерминированная характеристика материала исследования, уточняются его структурные особенности, проясняется онтологическая сущность публицистического стиля, обсуждаются объяснительные возможности метода моделирования с учетом его применения при выведении концептуальных моделей социальной действительности, формируемых в политической печати в период исторических катастроф.

В главе уточняется специфика исторического момента, которая определила необходимость построения в текстах политически ориентированных периодических изданий разных, отличающихся друг от друга моделей действительности. Период с февраля 1917 по 1920 год вошел в историю России как время исторической неопределенности – уникального хронотопа, характеризующегося крахом прежних координат (политических, экономических, социальных, культурных) и формированием альтернативных, часто взаимоисключающих, проектов будущего. Это было время максимальной подвижности социальных структур, предельной политизированности общественной жизни и ожесточенной борьбы дискурсов, пытавшихся осмыслить настоящее и навязать свое видение будущего.

В этой исторической ситуации пресса приобрела колоссальное значение. Начиная с 1917 года российские печатные политические периодические издания можно считать эффективным средством воздействия на массового читателя. Об этом свидетельствует как резкое повышение уровня грамотности

рядового населения страны в период, предшествующий 1917 году [Рашин 1956, Филатова 2018, Молчанов 2002 и др.], так и значительный рост числа периодических изданий и широкий охват ими территории страны. Большевики завоевали окончательную монополию на издательское дело только к 1920 году.

Ключевые позиции в политической борьбе занимали ведущие органы печати основных политических сил, находившихся в состоянии острейшей конфронтации: большевиков, левых эсеров и кадетов. Такова причина, по которой заявленное исследование проводилось на материале публикаций «Красной газеты» большевиков, «Земли и Воли» эсеров и «Русских ведомостей» кадетов. Каждое из изданий, будучи продуктом своей политической среды, выражая ее программные установки, формировало свою модель интерпретации социальной действительности.

«Красная газета» существовала как официальный орган победившей силы – большевиков. Она последовательно отстаивала концепцию диктатуры пролетариата как единственно верного пути через Гражданскую войну к социалистическому будущему.

«Земля и Воля» представляла главным образом интересы крестьянства, особенно его «средняцкой части» и выступала за немедленное и полное решение земельного вопроса через социализацию земли. Газета играла ключевую роль в первые месяцы советской власти, впоследствии была запрещена.

«Русские ведомости» отстаивали идею Учредительного собрания как единственного легитимного органа власти, идею правового государства, продолжения войны до победного конца и идею неприкосновенности частной собственности. Издание подвергалось постоянным репрессиям со стороны властей и было окончательно закрыто большевиками в 1918 году, продолжив существование в подполье или «на белых территориях» в измененном виде [Жирков 2012: 89].

«Красная газета», «Земля и Воля» и «Русские ведомости» в иллюзорно схожей риторике предлагали принципиально различные подходы к осмыслению и конструированию социальной действительности в экстремальных условиях 1917–1920 годов.

При выборе темы исследования интерес привлекло именно это соотношение кажущегося сходства и фактического различия. Для осмысления сути расхождения, а также для того, чтобы продемонстрировать его наглядно, в работе была поставлена цель реконструировать концептуальные модели социальной действительности в периодической печати изучаемой революционной эпохи. Выведение модели, достоверно отражающей существенные для цели нашего исследования свойства оригинала, опирается на понимание хронологически (исторически) детерминированных особенностей оригинала и онтологической сущности его вербальной материализации – публицистического стиля.

В современной науке публицистический дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, включающее, помимо текста, экстралингвистические факторы (ситуацию, цели, социальный контекст) и направленное на массового адресата. Жанровая система этого стиля отличается большим разнообразием; сферы его функционирования и формы реализации также многообразны. Однако для нашего диссертационного исследования ключевым является понимание онтологической сущности публицистического стиля.

Функциональные стили находятся по отношению друг к другу в состоянии условного равновесия, которое в каждой отдельной исторической точке нарушается в направлении одного из стилей. Происходит экспансия того или иного функционального стиля в другие функциональные стили. Вектор нарушения этого равновесия позволяет оценить исторически значимое состояние общественного сознания [Валентинова 2016].

Эпоха русских революций — диктатура публицистического стиля. Исследуемые тексты, на основании которых выводятся концептуальные

модели социальной действительности, относятся к публицистическому функциональному стилю, который общепризнанно совмещает две функции: информационную функцию и функцию убеждения [Костомаров 1971].

Однако необходимо учитывать, что и информационная функция публицистического стиля служит цели убеждения, поскольку принцип отбора фактов подчиняется общей цели, преследуемой автором в том или ином тексте. Именно поэтому, работая с публицистическими, тем более политическими, текстами, необходимо учитывать онтологическую сущность публицистического стиля.

Наброски М. М. Бахтина, названные по первой строчке "Риторика в меру своей лживости", дают концентрированную формулировку онтологической сущности публицистического стиля, тождественного — в понимании Бахтина — риторике: «Риторика, в меру своей лживости, стремится вызвать именно *страх* или *надежду* [выделено нами. – Г.Л.]. Это принадлежит к существу риторического слова (эти аффекты подчеркивала и античная риторика)» [Бахтин 1996: 63].

Онтологическим, а значит, и функциональным антиподом публицистического стиля М.М. Бахтин видит искусство и познание: «Искусство (подлинное) и познание стремятся, напротив, освободить от этих чувств» [Там же].

Онтологическая сущность публицистического стиля как причина его свойств отчетливо проявляется в характеристике публицистического стиля разными исследователями:

- *агностицизм/релятивизм*: публицистика фундаментально сомневается в возможности или необходимости передачи объективной истины для достижения своей главной цели – воздействия, ее бытие определяется не истинностью, а эффективностью, агитационностью, персуазивностью (убеждением) [Максименко 2018].

- *установка на борьбу за другого*: цель публицистического стиля – не информировать или рефлексировать, а воздействовать, побуждать, менять

установки и поведение адресата или дискредитировать противника, борьба – неотъемлемое условие существования стиля [Волошинов 1993].

- *подчиненность сиюминутному контексту*: публицистический стиль реагирует на актуальное событие, требует немедленного действия или реакции аудитории, его истина – конъюнктурна, аргументы – ситуативны, это не стиль для вечности или глубинного понимания, а стиль для настоящего момента и конкретного адресата [Рикёр 1996].

- *двусубъектность*: публицистический текст всегда скрыто или явно адресован не только прямому читателю, но и оппоненту, которого он стремится опровергнуть; даже если оппонент не назван, его предполагаемое присутствие структурирует аргументацию и лексику [Демьянков 2001]. Именно эта черта делает публицистику ареной для борьбы концептуальных моделей.

Уточнение онтологической сущности публицистического стиля (*лжи как осознанного, прагматически выгодного замещения достоверности*) как формы материализации концептуальных моделей социальной действительности в периодической печати обосновывает имманентную объективность применения моделирования в исследовании публицистических политических текстов, как метода, соответствующего сущности изучаемого объекта, которая, однако, может проявляться в большей или меньшей степени.

Сама модель предстает как своеобразный информационный трансформатор, который при идеальном использовании только перераспределяет эффективность каналов «притока» информации: «он может только усиливать приток одних сведений за счёт ослабления потока других...» [Мельников 2003: 155 –156].

Применяя моделирование, необходимо учитывать соотношение трех величин — модели, оригинала, отражения. Устанавливая соотношение модели и оригинала, Г.П. Мельников формулирует преимущества модели:

- модель исходно *независимо подобна* оригиналу в определенных

свойствах, то есть является автономным аналогом оригинала;

– модель исходно *существенно отлична* от оригинала, и потому она отражает определенные свойства замещенного объекта *более эффективно*, чем сам объект [Мельников 2003].

Отражение — универсальная философская категория, следствие взаимодействия сущности объекта с заданными условиями [Мельников 2003: 151]. Способностью отражать наделены и мертвые, и живые объекты, а человеческий разум есть лишь частное, хотя и высшее, проявление этой способности [Павлов 1923, Корнфорт 2017].

Хотя между отражаемыми свойствами объекта и их отражением на внешней среде есть некоторая степень подобия, отражение не является моделью объекта, поскольку при отражении не происходит замещения одного объекта другим. Подобие между объектом и его отражением имеет общий источник — сущность отражаемого объекта [Мельников 2003: 151–152]. Таким образом:

- *общее между моделью объекта и его отражением*: модель и отражение подобны оригиналу, но отражение зависимо подобно оригиналу, а модель – независимый, автономный аналог;
- *различное между моделью объекта и его отражением* – отражение не замещает оригинал, как модель, а является проявлением его сущности.

Выводимые нами на основе печатных изданий политических противников модели социальной действительности опираются на соотнесение содержательных структур трех базовых субъектов общественной жизни в период исторических потрясений: *власти, народа и врага*, – которые представляют собой конструкты (элементарные структуры) моделей. Комбинации соотношений между конструктами, равно как и комбинации соотношений между элементами каждого из конструктов, проявляют сущностные свойства каждой модели. Таким образом, в нашем исследовании концептуальные модели социальной действительности будут одновременно структурными.

Концептуальная модель всегда будет идеальной (не материальной), потому что «представления о тех или иных сторонах *сущности* изучаемого объекта, а также о способах *логического* выведения знаний о нем складываются лишь в психике исследователя как форма *мыслительного* содержания, как *идеальные*, отраженные образования» [Мельников 2003: 176].

Идеальные модели могут быть внешне представлены только при помощи знаков: символов, диаграмм, словесного описания. Таким образом, идеальные модели являются *знаковыми моделями* по технике своего «изготовления» [Мельников 2003: 168, 176].

Итак, в нашем исследовании модели социальной действительности знаковые, описательные.

Описательная модель представляет собой текст на естественном языке. Достоинства и недостатки знаковых описательных моделей вытекают из универсальности естественного языка, то есть способности выражать любое содержание:

- Естественный язык может выразить любое содержание и поэтому может служить средством построения любых идеальных знаковых моделей.

- Одновременно именно язык является объективной причиной невозможности тождественного понимания текстовых моделей: «...знаки естественного языка через свои значения и узуальные смыслы не столько *выражают* определенное актуальное содержание, сколько лишь *намекают* на него, требуя от слушающего или читающего творческой активности, чтобы по этим намекам он угадал актуальный замысел говорящего или пишущего» [Мельников 2003: 176–177].

Предварительная мысленная экстраполяция метода моделирования на исследование политических публицистических текстов периода предельной исторической неопределенности позволила:

- установить, что концептуальная модель социальной действительности, практическому выведению которой посвящена вторая глава, не может не быть одновременно ее структурной моделью;

- определить основные конструкторы концептуальной модели, которые представляют собой ее элементарные структуры, что, в свою очередь, дало возможность

- спрогнозировать необходимость выявления содержательной структуры каждого конструктора.

Таким образом, в первой главе было не только заложено основание для реализации этапа пресимиляции, но и начат этот этап моделирования.

Во второй главе «Содержательная структура конструкторов *народ*, *власть* и *враг* в периодических изданиях большевиков, эсеров и кадетов» разрабатывается и осуществляется исследовательский алгоритм установления содержательной структуры конструкторов *народ*, *власть*, *враг* — основных субъектов социальной действительности в периодической печати большевиков, эсеров, кадетов. Выводятся модели социальной действительности, предлагаемые каждой политической силой, и выстраивается сравнительная концептуальная модель, вскрывающая существенные различия между политическими силами, стоящие за внешне схожими средствами выражения.

Алгоритм реконструкции содержательной структуры базовых конструкторов включает установление и сравнительный анализ атрибутов номинаций, обозначающих конструкторы, их контекстуальных синонимов, текстовых оппозиций, объемов денотативных значений, синтаксических функций номинаций и семантики связанных с ними глаголов. Таким образом, каждая модель включает в себя ряд субмоделей.

Содержательная структура конструктора народ

Сравнительную субмодель атрибутов номинации *народ* в печати политических противников можно представить в виде схемы:

Схема 1. Сравнительная субмодель атрибутов номинации *народ* в печати политических противников.

Однако эта схема не отражает приоритетной направленности большевиков на рабочий класс, а эсеров – на крестьян.

Кроме того, в схеме ослабляется противопоставление форм *освобожденный – свободный*, которое приобретает сущностное значение в оценке степени субъектности/бессубъектности конструкта *народ* в концептуальных моделях социальной действительности разных политических сил.

В публикациях «Красной газеты» компонент ‘свободный’ в содержательной структуре конструкта *народ* не обнаруживается.

Для дополнительного прояснения степени субъектности/бессубъектности номинации *народ* в исследовании устанавливается семантика ее контекстуальных синонимов.

В издании большевиков на шкале степени субъектности/бессубъектности контекстуальных синонимов номинации *народ* к предельной степени бессубъектности устремляются номинации *массы*, *темные народные массы*, *бедный трудовой люд*. На противоположном полюсе шкалы находится номинация *население*, обладающая меньшей степенью бессубъектности, но все равно ею маркированная.

В издании эсеров контекст употребления синонимов номинации *народ* формирует ряд смыслов в содержательной структуре конструкта:

- ‘**объект заботы** в связи с его бедственным положением’;
- ‘**адресат призыва** к субъектным политическим действиям’;

- ‘коллективный субъект, вступающий в равноправные отношения со *Временным правительством*’.

Если в концептуальной модели большевиков конструкт *народ*, представленный в текстах контекстуально синонимичными номинациями, содержит компонент ‘объект воздействия’, то в модели эсеров за конструктом *народ* закрепляются также смыслы ‘наличие собственных интересов’ и ‘потенциальный инициатор активных действий’ (*принять участие в выборах, приступить к выборам, обезоружить и устранить полицию, провести своих кандидатов*).

В модели социальной действительности большевиков одна из базовых оппозиций – оппозиция *народ – власть*. В модели эсеров иллюзорно подобная оппозиция *население – временное правительство* имеет концептуально иной характер: отношения между членами оппозиции не иерархические, а равноправные (*тверды связи между временным правительством и населением*).

Употребление контекстуальных синонимов номинации *народ* в издании кадетов свидетельствует о деидеологизации понятия: контекстуальные синонимы сочетаются с лексическими единицами со значением волеизъявления (*выборные организации, выбор людей*), осознанности (*сознательно отнесетесь, голос разума*). В содержательной структуре конструкта *народ* отсутствует классовая составляющая. В противоположность ей в публикациях кадетов формируются смыслы ‘совокупность большого множества отдельных личностей, объединенных общей волей’ и ‘субъект международной политики, противопоставленный внешним врагам [Германии]’.

Наконец, в контекстах издания кадетов «Русские ведомости» присутствует идея субординации: *воля всего народа выше воли власти и воли отдельного человека*.

Таким образом, в содержательную структуру конструкта *народ* в модели социальной действительности кадетов входит смысл ‘все слои российского общества’. Противопоставление *народ* ↔ *не-народ* отсутствует.

Выведенная сравнительная субмодель позволяет обнаружить, что в концептуальной модели социальной действительности большевиков в содержательной структуре конструкта *народ* актуализируется компонент ‘рабочие’, у эсеров – ‘крестьяне’, у кадетов – ‘все слои общества’.

Для понимания формируемой в контекстах большевистского издания концептуальной модели социальной действительности значимо то, что *власть* большевиков так же, как и *власть* других политических сил, не входит в денотативное значение номинации *народ*.

В выведении концептуальных моделей социальной действительности – и в отдельных для каждого политического издания, и в общей сравнительной модели – особое значение имеют компоненты, реализованные только в одной или двух моделях и сохраняющие свободную валентность (возможность) разной силы, в том числе нулевой, в остальных моделях/модели.

Экспликация этого факта существенна для завершающего этапа моделирования – интерпретации – при итоговой оценке степени присутствия или значимого отсутствия смысла ‘субъектности/бессубъектности’ в каждой модели и доказывает, что метод сравнения, используемый на разных этапах и уровнях моделирования, повышает объяснительные и прогностические возможности выведенной модели.

Качественные свойства обозначаемых номинациями социальных сущностей содержатся и в действиях этих сущностей. При этом необходимо учитывать не только семантику глаголов, обозначающих эти действия, но и их форму. Например, созидательные действия *народа* обозначаются, как правило, глаголами совершенного вида будущего времени, придающими оттенок лозунговости всему высказыванию, что не может не отразиться на экспликации качеств социального субъекта и их дальнейшей интерпретации: *организованный трудовой народ сможет справиться с разрухой и*

защитить страну (эсеры); *русский народ пронесет* [свободу] *сквозь кровь и страдания, создаст* новую... *Россию* (эсеры).

Значение действий, обозначаемых глаголами настоящего времени, *сострадательное*, связанное с переживаниями, в основном отрицательными: *народ не боится* правды, *верит* власти (большевики); *темные, народные массы жадно и с тревогой внимают слухам* (большевики); *народ страдает от недостатка продуктов и ...дороговизны* (эсеры); *от разрухи страдают передовые массы* (эсеры).

Результативная активность, выраженная глаголами прошедшего времени, содержит в себе значение 'насилия': *народ вырвал ... обещание пойти на ... мир* (большевики); *народ одним движением своего плеча... опрокинул* (большевики).

Содержательная структура конструкта власть

Реконструкция содержательной структуры конструктов *власть* и *враг* проводится по тому же исследовательскому алгоритму, который применялся при выведении содержательной структуры конструкта *народ*.

Анализ контекстуального использования тождественных по форме атрибутов *власти* в разных политических изданиях позволил установить концептуально значимые смысловые различия, определяющие сущностное различие навязываемых или предлагаемых обществу моделей социальной действительности:

- Различие денотативного значения сочетания *революционная власть*:
у большевиков 'относящаяся к октябрьскому перевороту (революции)' ↔
у кадетов 'относящаяся к февральской демократической революции'.
- Смысловые различия сочетания *нарождающаяся власть* как объекта восприятия:
у большевиков 'объект ненависти со стороны врагов' ↔ у кадетов 'объект поддержки со стороны общества'.
- Несовпадение денотативного объема сочетания *новая власть*:

у большевиков 'власть одной партии' ↔ у эсеров 'коалиционная' ↔ у кадетов подразумевается 'власть всего революционного народа'.

- Различие выраженности противопоставляемых компонентов в антитезе *старой* и *новой власти*:

у большевиков явная ↔ у эсеров подразумеваемая.

- Контекстуально формируемое различие семантико-грамматического разряда прилагательного *народная* в сочетании *народная власть*:

у большевиков *народная* — качественное прилагательное с положительной коннотацией;

у эсеров *народная* — 'принадлежащая народу' (относительное прилагательное).

- Различие адресатов общей модели лозунга «*Вся власть... !*»:

Вся власть советам! у большевиков — 'вся власть одной политической силе' (большевикам),

Вся власть Учредительному собранию! у эсеров — 'вся власть выборному органу, представляющему все слои общества'.

- Различие контекстуального значения атрибута *власти* — *железная* 'сильная':

у большевиков 'сила — самоценное положительное свойство власти' ↔ у эсеров 'сила — ситуационное положительное свойство власти, в контексте военного положения, при необходимости противостоять внешним врагам'.

Концептуальные различия содержательных конструкторов *власть* в моделях социальной действительности большевиков и эсеров формируется также:

- выведенным противоположением различных форм власти:

у большевиков *советская власть* ↔ у эсеров *демократическая власть*;

- выведенным соотношением *народа* и *власти*:

у большевиков *поддерживаемая народом* (власть) ↔ у эсеров *принадлежащая народу* (власть).

Независимо от формального совпадения или несовпадения конкретных средств выражения атрибутов номинации *власть* в прессе большевиков и эсеров, их значения, противопоставленные друг другу, в представлении этих политических сил образуют антитезу.

Важно отметить концептуальную значимость ослабленного положения конструкта *власть* в модели социальной действительности кадетов, особенно в сопоставлении с концептуальной моделью социальной действительности большевиков.

В большевистской модели в формировании содержательной структуры конструкта *власть* будут значимы смыслы, связанные с их пониманием *новой (Советской) власти*:

- *Советская власть* как обозначение ‘особой формы правления в революционной России’, которая отождествляется с *трудовой республикой, рабоче-крестьянской Россией, трудовым народом, рабочими и крестьянами России*.

- *Советская власть* обозначает феномен, который выступает как ‘одушевленный участник ситуации, источник действия, активный субъект политических действий’, наделяется положительно коннотируемыми свойствами ‘силы, крепости, устойчивости’.

- *Советская власть* – ‘объект признания и веры’.

- Значимы оппозиции: *советская власть* ↔ *контрреволюционеры (силы контрреволюции, контрреволюционные банды)*, *советская власть* ↔ *тайные монархисты*, *советская власть* ↔ *кадеты*, *советская власть* ↔ *оборонцы*, формирующие общий смысл ‘противостояния всем остальным политическим силам’.

- *Власть* означает также ‘право и возможность подчинять других своей воле’.

В издании эсеров содержательная структура конструкта *власть* формируется:

- семантической ролью пациенса номинации, обозначающей конструкт, независимо от того, о какой власти идет речь – *старой* или *новой*, которая ‘назначается и контролируется *демократическими силами*’;

- произвольным противопоставлением роли пациенса, закрепляемой за *властью*, роли агенса, которая закрепляется за общественными объединениями и сословными и внесословными множествами людей;

- преобладанием в сочетании с номинацией *власть* и ее контекстуальными синонимами глагольных и отглагольных форм, не предполагающих физического насилия: *устранены и заменены / устранить / сменяются / смена / создание*;

- определением *нового строя* как *необходимого трудовым массам*;

- пониманием *власти* как объекта *доверия*, а не *веры*, как в печати большевиков.

В издании кадетов формируется значимая для содержательной структуры конструкта *власть* идея ‘права’.

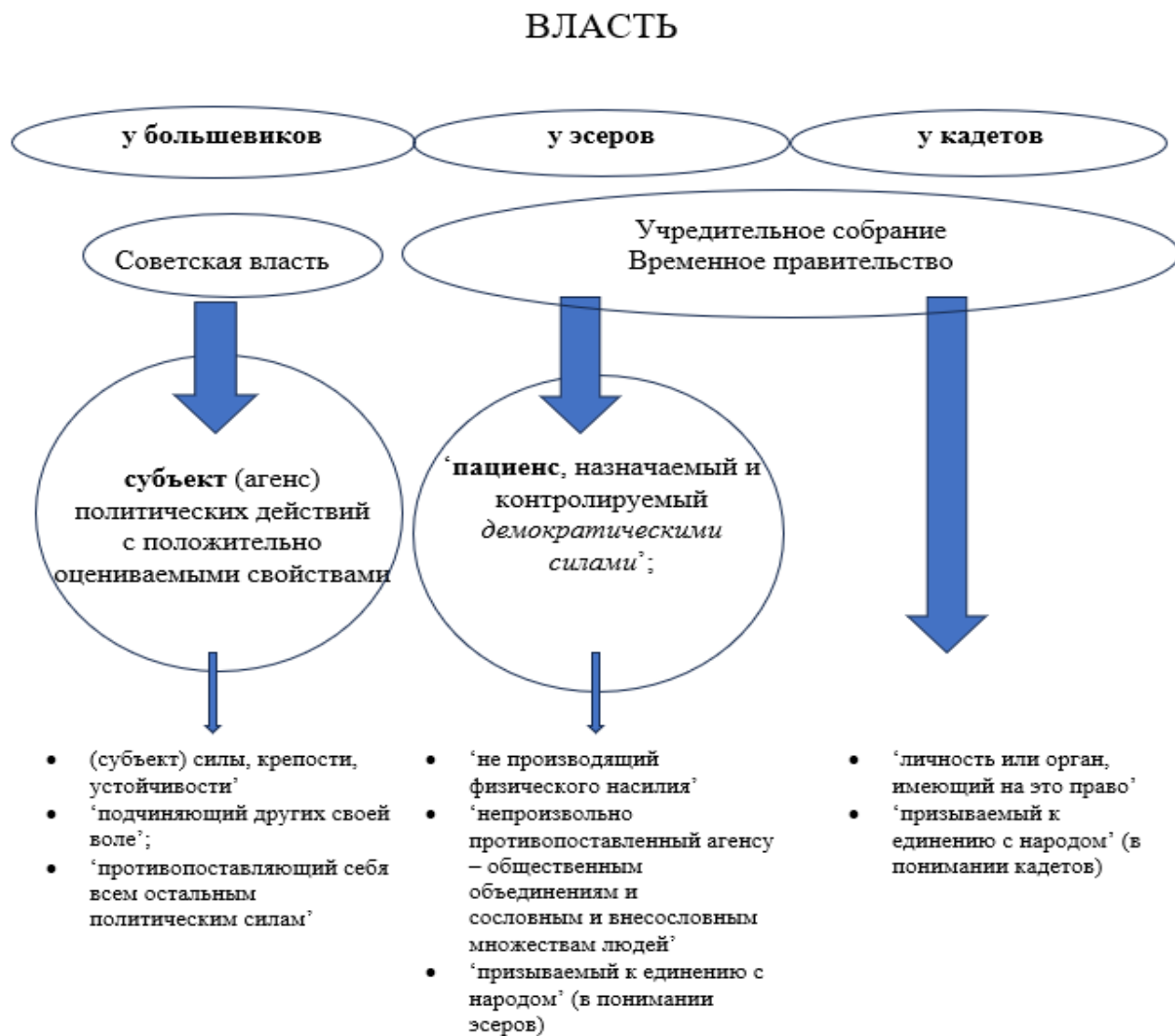

Схема 2. Фрагмент сравнительной субмодели содержательной структуры конструкта *власть* (новая власть)

Содержательная структура конструкта враг

Конструкт *враг* в ситуации предельной исторической неопределенности и ожесточенной борьбы за власть становится одним из базовых конструктов концептуальной модели социальной действительности, предлагаемой каждой политической силой.

В большевистской прессе в семантике атрибутов номинации *враг* преобладают компоненты 'опасности' (*опасный враг, смертельный враг*), 'силы' и 'необузданности' (*неистовый враг, исступленный враг*),

‘жестокости’, ‘жадности’ и ‘хитрости’ (*враг угрюм и жесток, хищные враги, хищный и коварный враг*), ‘нескончаемости’ (*наши вековечные враги*).

Существенное различие между моделями социальной действительности большевиков и эсеров проявляется в использовании атрибутов *врага: внешний (враг) – внутренний (враг)*.

Если большевиками *враг* воспринимался прежде всего как угроза социалистическому строю, то есть власти большевиков (*социалистическое отечество и революционная столица в опасности*), то для эсеров важен и враг внешний, который может уничтожить российскую государственность (*угрожает самому существованию России*).

Значимым при выведении концептуальных моделей социальной действительности является использование в изданиях большевиков и эсеров словосочетания *враг (враги) народа*, которое закрепится уже в ближайшей истории бывшей Российской империи как понятие не только этическое, но и юридическое.

В публикациях эсеров сочетанием *враги народа* обозначаются и те, кто выступает против революции из-за своей приверженности дореволюционному политическому строю, и те, кто предаёт идеалы февральской революции (*изменники революции*) или пытается причинить ущерб ее достижениям (*посягает на установленное народоправство*).

В отличие от бинарной оппозиции ‘большевики ↔ враги’ (все, кто не-большевик) у большевиков, в публикациях эсеров отмечается более сложная, трехчастная градуальная оппозиция: *народ – бессознательно зарвавшиеся друзья народа (большевики) – сознательные враги народа* (сторонники старого режима, контрреволюционеры).

Ключевые понятия в издании эсеров – *сплочение, единение, национальное единство* перед лицом внешних врагов и в разрешении внутренней экономической неустроенности. *Враги* – ‘те, кто мешает единению революционных сил, особенно вооруженно’.

В то время, как большевики в публикациях «Красной газеты» прямо называют своими врагами (*врагами советской власти*) конкретные политические силы (*тайные монархисты, кадеты, социал-демократы и эсеры черновского толка*), в издании партии эсеров денотат номинации *враг* прямо, как правило, не называется: *тот, кто мешаетя сплочению и единению, тот враг; всякий, кто на него [народоправство] посягает, ... враг.*

С точки зрения эсеров, главное завоевание революции – *русская свобода*, возможность самоуправления (*народоправства*), а разобщенность революционных сил способствует уничтожению, окончательной утрате этого достижения (*несет гибель революции, крушение революции*). Ценность свободы для политических воззрений партии эсеров актуализируется в номинации *враг русской свободы*.

В моделях большевиков и эсеров актуализируется смысл ‘*враги революции*’, но у большевиков подразумевается Октябрьский переворот, а у эсеров – Февральская революция. Для кадетов же существует только внешний враг (Германия). Номинация *враг* как таковая в печати кадетов отсутствует при наличии смысла, выраженного имплицитно.

В свете всего изложенного выше необходимо понимать, что полный текст второй главы представляет собой выведенную нами модель социальной действительности, представленную в знаковой описательной форме.

Следует отметить, что сравнение как метод применялось не только при выведении сравнительных субмоделей и целостной сравнительной модели, но и на всех этапах моделирования, начиная со сравнения значений, зафиксированных толковыми словарями, и контекстуально формируемыми. Сравнение позволило установить и концептуально значимые для каждой модели свободные валентности, среди которых:

- значимое отсутствие в модели кадетов в содержательной структуре конструктора *народ* смысла ‘занимающиеся физическим трудом’ на фоне усиленного закрепления этого смысла в модели большевиков и устойчивого присутствия – в модели эсеров;

- значимое отсутствие в модели большевиков в содержательной структуре конструкта *народ* смысла ‘свободный’;
- значимая интенсивная редукция в модели большевиков смысла ‘субъектность’ в содержательной структуре конструкта *народ*;
- значимое отсутствие в модели большевиков в содержательной структуре конструкта *власть* смысла ‘ответственность’;
- значимая асимметрия содержательных структур моделей большевиков и эсеров, выведенная на более высоком уровне рефлексии, благодаря обнаруженному отсутствию смысла ‘субъектность’ в содержательной структуре конструкта *власть* у эсеров на фоне активного присутствия смысла ‘объектность’;
- значимое отсутствие в модели большевиков смысла ‘демократия’ на фоне его актуализации в модели эсеров;
- значимое вытеснение конструкта *враг* из актуализированного ядра модели социальной действительности кадетов и ряд других, среди которых и тот факт, что в печати эсеров **субъектом** политического действия выступает *демократия*, а *власть* – это **объект**.

Осуществленная реконструкция содержательной структуры базовых конструктов моделей социальной действительности позволила выявить различный характер соотношения между самими конструктами *народ*, *власть*, *враг* в разных моделях, что, в свою очередь, позволило вывести целостную содержательную структуру каждой концептуальной модели социальной действительности.

В ходе исследования при помощи выведения концептуальных моделей, реконструирующих смысловые слои, формируемые в текстах периодических изданий трёх ключевых политических сил эпохи русских революций (1917–1920 гг.) — большевиков, эсеров и кадетов, нам удалось не только прояснить социальную действительность в том виде, в котором ее хотели представить широким слоям читающей прессу публики каждая из данных социально-политических сил, но и, установив свободные валентности, вскрыть

умалчиваемые сущностные характеристики, обнажая несоответствие между видимым и сущностным.

Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу: в политически ангажированных текстах, сознательно деформирующих действительность в целях борьбы за власть, произвольно и наиболее ярко отразились подлинные стратегические установки их создателей. Метод концептуального моделирования доказал свою высокую объяснительную способность для объективации этих установок и выявления механизмов идеологического воздействия на сознание человека в переломные моменты истории.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы его применения в различных областях науки.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 4 публикациях в ведущих рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень ВАК Минобрнауки РФ, и 1 публикации РИНЦ:

1. *Гао Лия*. Лексические трансформации в языке революционных газет (на материале "Народной газеты") //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 14. С. 722–725. ВАК (К1).
2. *Гао Лия*. Революционные идеи 1917–1918 гг. как катализатор изменения языка публицистики //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 2. С. 461–466. ВАК (К1)
3. *Гао Лия*. Трансформация лексического состава и средств выразительности русского языка в период революции 1917 года // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 8. С. 150–156. ВАК
4. *Гао Лия*. Идеологизация русского языка после революции 1917 г. (по материалам «Красной газеты») // Litera. 2024. № 12. С.135–147. ВАК

5. *Гао Лия*. The Ideologization of the Russian Language after the Revolution of 1917 // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2021. С. 1785–1791. РИНЦ

Гао Лия
(Китай)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЭПОХИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Исследование посвящено выведению сравнительной модели социальной действительности на материале органов печати большевиков, эсеров и кадетов в период с 1917 года по 1920, до установления окончательной монополии большевиков на издательское дело. *Новизна исследования* определяется тем, что впервые в филологической науке были выявлены концептуальные модели социальной действительности в исторически маркированных текстах на основе общенаучной системной методологии с учетом онтологической сущности публицистического стиля, а также был разработан алгоритм реконструкции субмоделей и итоговой сравнительной модели. В работе *впервые* показано, что концептуальные модели социальной действительности являются одновременно структурными моделями. В исследовании определено, что в период политических и социальных потрясений константными конструктами конкурирующих моделей социальной действительности выступают *власть, народ и враг*, прояснение особенностей содержательного соотношения между которыми позволяет эксплицировать сущностные (концептуальные) свойства каждой модели, выявить несоответствие видимости и сущности, обнажающее подлинные намерения той или иной политической силы.

Gao Liya
(China)

CONCEPTUAL MODELS OF SOCIAL REALITY IN THE PERIODICAL PRESS DURING THE RUSSIAN REVOLUTIONS ERA

The study is devoted to the development of a comparative model of social reality based on materials from the press organs of the Bolsheviks, Socialist Revolutionaries, and Constitutional Democrats (Kadets) in the period from 1917 to 1920, prior to the establishment of the Bolsheviks' complete monopoly over publishing. The novelty of the research lies in the fact that, for the first time in philological scholarship, conceptual models of social reality in historically marked texts have been identified using a general scientific systemic methodology, taking into account the ontological nature of journalistic style. Additionally, an algorithm for reconstructing submodels and the final comparative model has been developed.

The study demonstrates for the first time that conceptual models of social reality are simultaneously structural models. It establishes that during periods of political and social upheaval, the constant constructs of competing models of social reality are power, the people, and the enemy. Clarifying the specific relationships among these elements makes it possible to explicate the essential (conceptual) properties of each model and to reveal discrepancies between appearance and essence, thereby exposing the true intentions of particular political forces.